

- 22 ГАСО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 793. Л. 217–218 об.
23 Там же. Ф. 299. Оп. 1. Д. 32. Л. 197–206, 298.
24 Волжское слово. 1917. 31 октября. С. 3.
25 Самарские епархиальные ведомости. 1895. 1 сентября.
26 Там же. 15 октября.
27 Там же. 1900. 1 января; 1 июня.
28 *Никольский А. М.* Отчет Самарского епархиального наблюдателя о состоянии церковных школ Самарской епархии в 1912–1913 учебном году. Самара, 1914. С. 58–63.
29 Первое дополнение к Сборнику постановлений Самарского губернского земского собрания по народному образованию за время с 1900 по 1903 г. включительно. Самара, 1904. С. 37.

О. Г. Герасимова
Москва

Общественно-политическая жизнь студенчества в эпоху «оттепели»: МГУ им. М. В. Ломоносова

Период середины 1950-х – середины 1960-х гг. в истории СССР ознаменовался рядом событий, повлиявших на многие стороны жизни не только в нашей стране, но и за рубежом. И среди них особое место занимает XX съезд КПСС с закрытым докладом Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях». По поводу значения XX съезда существует множество точек зрения о его роли в общественно-политической жизни страны – от преувеличенно подчеркивающих до низводящих ее на нет.

Выступление Н. С. Хрущева 25 февраля 1956 г. было продиктовано, в первую очередь, не стремлениями восстановить попорченную справедливость, а явилось тактическим шагом на пути сосредоточения полновластия в своих руках, что прекрасно понимала определенная часть советского общества, среди которой находились и студенты. Это понимание подтверждалось и дальнейшими событиями: «закручиванием гаек» во всех областях – идеологии, культуре, науке, политике, затронувшем немалое количество населения. Достаточно вспомнить закрытое письмо ЦК КПСС «Об итогах обсуждения решений XX съезда» от 16 июля 1956 г.; обсуждение романа В. Дудинцева «Не хлебом единым»; Постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий»; реакцию советского руководства на события в Польше и Венгрии; еще одно закрытое письмо ЦК КПСС от 19 декабря 1956 г. «Об усилении политической работы парторганизаций в массах и пресечении вылазок антисоветских враждебных элементов». Заметим, что в статье специально не рассматриваются отклики университетской молодежи на решения XX съезда. Влияние отмеченного политического события на умонастроения студенчества прослеживается в формах и характере выступлений последнего.

Одной из проблем изучения жизни советского общества в 1953–1964 гг. является проблема реконструкции жизни студенчества Московского университета, ее сути и динамики. Изучение поколения, в 1950–1960-е гг. переживавшего свою молодость и формирование мировоззрения, важно для понимания изменений, происшедших в нашей стране в перестроечный и постперестроечный перио-

ды. Познание процессов, протекавших в умах учащейся молодежи, возможно через призму исследования ее общественно-политической позиции, которая могла выражаться, по мнению автора, не только в ходе обсуждений самых разных вопросов на комсомольских собраниях, диспутах, конференциях, но и отчетливо проявлялась в выступлениях студентов во время обсуждений художественных произведений, выставок, материалов многотиражной газеты «Московский университет» и стенгазет.

Студенчество в качестве объекта исследования выбрано не случайно. Молодежь — это часть общества, его будущее. Ее воспитанию в Советском Союзе традиционно уделялось самое пристальное внимание со стороны партии и государства. Выбор Московского университета как объекта исследования объясняется, во-первых, тем, что в столице, где по традиции сосредотачиваются главнейшие властные и силовые структуры, информация обо всех изменениях «наверху» доходит до населения быстрее нежели в остальных городах. Во-вторых, МГУ — был и остается крупнейшим учебным заведением страны, готовящим высококвалифицированных специалистов почти по всем отраслям народного хозяйства, в том числе и управленческие кадры. Отсюда неизбежно следует необходимость пристального внимания к ним со стороны руководства страны. Выпускники вузов, по мнению государственных и партийных деятелей, должны были быть подготовленными не только профессионально, но и идеологически.

В данной статье на примере студентов трех факультетов — геологического, физического и филологического — автор рассматривает лишь некоторые аспекты общественно-политической жизни студенчества МГУ периода «оттепели». Оговоримся, что ряд форм студенческих выступлений нашел отражение в статьях и рукописи диссертации автора данной работы¹ и в данной статье не рассматривается. В качестве основных источников при написании статьи были задействованы материалы архивов, воспоминания участников и очевидцев рассматриваемых событий.

Рост политической активности студентов-филологов

Можно предположить, что на выбор кандидатуры докладчика о внутрикомсомольской работе на факультетском собрании III курса весной 1956 г. оказал влияние XX съезд КПСС с его осуждением и призывом к искоренению негативных явлений в социализме. Буквальное понимание вузовской молодежью демократии обусловило выбор в качестве докладчика студента А. Зверева, не являвшегося членом ВЛКСМ, но пользовавшегося уважением и авторитетом среди студентов. Как констатировалось позднее, доклад не проверялся и никем не утверждался, в нем не говорилось о внутрикомсомольской работе, а был он «полон голого критиканства и нападок на советскую действительность». Многие положения доклада были взяты из газет. Зверев утверждал, что «жизненный уровень в СССР падает»². Закончил он свое выступление ироническим высказыванием в адрес «прекраснодушно верящих в скорое наступление в нашей стране всеобщего изобилия и процветания»: «Человека, который с пеной у рта кричит о построении в нашей стране коммунизма, я считаю или дураком, или подлецом!»³.

Заместитель секретаря партбюро факультета Н. С. Чемоданов, присутствовавший на собрании, с осуждением докладчика не выступил.

Сокурсники Зверева вспоминают, что был он «постарше годами и побогаче жизненным опытом», работал до университета шахтером в воркутинских рудниках. «Познать жизнь на собственном трудовом опыте» он призывал и студентов, для чего советовал перейти с очного на заочное обучение, поработать с большинством народа в его условиях⁴. По воспоминаниям секретаря курсового бюро ВЛКСМ И. Кочеткова, утопичность предложения Зверева была ясна и ему самому, но, тем не менее, он уехал в Воркуту и стал шахтером. В 1959 г. А. А. Зверев (студент-заочник филологического факультета) был осужден по статье 58–10 за антисоветскую агитацию и пропаганду. Ему инкриминировалось написание в марте 1958 г. письма, а в мае того же года размножение на письменной машинке обращения к студентам Московского университета с критикой советской действительности⁵. Позднее университет он закончил⁶.

10 ноября 1956 г. в «Правде» в изложении редакции было опубликовано выступление Н. С. Хрущева на митинге московской молодежи, посвященном награждению комсомола орденом Ленина. Н. С. Хрущев напрямую увязал необходимость «уделять больше внимания правильному воспитанию молодежи» с событиями в Венгрии. Он привел два примера о том, как румынские рабочие убеждают учащихся с нездоровыми настроениями. Суть примеров Н. С. Хрущев выразил в следующих словах: «Если вам не нравятся наши порядки, которые мы завоевали своей кровью, тогда пойдите поработайте, а на ваше место придут учиться другие»⁷.

Студент IV курса филфака Л. Крысин⁸, выступая 30 ноября 1956 г. на комсомольском собрании, обсуждавшем вопросы внутрикомсомольской работы, не согласился с высказываниями Хрущева: «Зачем разделять рабочих и студентов. Кто такие студенты? — дети рабочих. Разве то, что они критикуют, — не общее дело всего народа?»⁹ Л. Крысин (сам сын рабочего-токаря. — О. Г.) заявил, что «положение рабочих хуже нашего, в отношении свободы высказываний. Каждая попытка критики со стороны рабочего отзывается на его материальном положении (его переводят на малооплачиваемую работу, увольняют “по собственному желанию”). Таких и подобных им средств целая система. Рабочий имеет меньшую возможность рассуждать открыто — слишком мало у него для этого времени, да и не дадут ему особенно разглагольствовать. Студент знает больше в отношении политических вопросов и может открыто делать какие-то обобщения»¹⁰.

Как отмечалось в протоколе собрания, при полном бездействии отдельных коммунистов, присутствовавших на этом собрании, нигилистические речи помимо Л. Крысина произносили студенты В. Страшненкова, Г. Давыдов, Г. Шевелев, Попов, А. Зверев, В. Халин и другие¹¹. Кроме того, Зверев, Страшненкова¹², Давыдов, Шевелев заявили, что «комсомол перестал быть политической организацией», что в стране существует социальное неравенство, «нет свободы печати», что «вера в коммунизм и в партию серьезно подорваны в народе», что нет ответственности и у рабочих, и у руководителей и т. д.

Как отмечается в материале к заседанию Бюро МГК КПСС по вопросу «О состоянии воспитательной работы среди студентов на филологическом и механико-математическом факультетах МГУ имени М. В. Ломоносова», 6 сентября 1956 г. на собрании кафедры советской литературы филологического фа-

культета МГУ аспирантка Азиян утверждала, что «сейчас в стране резкое деление на два лагеря: отцов-охранителей и детей-нигилистов»¹³.

Из тех же материалов явствует, что выступления К. Симонова и В. Каверина, которые состоялись 29 октября 1956 г. в Центральном доме литераторов, сыграли «вредную роль в разжигании нездоровых настроений среди студентов Университета»¹⁴. На бюро Московского горкома говорилось о негативном влиянии современной литературы на сознание студентов, выступивших на диспуте¹⁵ 7 и 8 декабря 1956 г. по вопросам социалистического реализма. Аспирант Потемкин, основной докладчик, в своем выступлении «зачеркнул все достижения советской литературы и развязал нездоровые высказывания»¹⁶, студенты Л. Печко, Александрова, В. Леонович и другие выступили с «демагогическими высказываниями». Выступления большинства участников показали, что для многих из них вопрос о социалистическом реализме был только предлогом для «явно демагогических выпадов» против нашей действительности. Все выступление студента I курса В. Леоновича по сути дела «свелось к выпадам против руководителей партии и правительства»¹⁷. Отмечались «нигилизм и эстетство» участников литобъединения факультета, руководимого доцентом В. Д. Дувакиным, где предметом особого внимания являются стихи Пастернака, Ахматовой, Цветаевой, «культивируется пренебрежительное отношение к советской поэзии»¹⁸. В литературном бюллетене в рассказе В. Непомнящего давался карикатурный образ некоего Великанова, «советского барина», по мнению автора, человека типичного для советского общества. Там же были помещены «вредные» стихи польского поэта Адама Важика в переводе члена факультетского литобъединения Н. Горбаневской: «Стекают потоки крови с тех, кто был замучен в застенках бюрократии...»¹⁹.

Зав. кафедрой советской литературы А. И. Метченко, выступая с отчетным докладом партбюро о работе за 1955/56 гг., отметил слабую подготовленность студентов-агитаторов, комсомольцев II курса, работавших среди строителей в Черемушках и на фабрике им. Сакко и Ванцетти. В 1956 г., в связи с решением XX съезда КПСС о преодолении последствий культа личности и обострением международной обстановки, рабочие стали задавать агитаторам «острые, злободневные вопросы». Это вызвало растерянность агитаторов и «так напугало, что на комсомольском собрании II-го курса было принято решение о прекращении агитационной работы в Черемушках»²⁰. Напрашиваются вопросы: а) виноваты ли были студенты, не знавшие ответов на вопросы рабочих; б) почему со стороны преподавателей факультета, в первую очередь членов КПСС, не последовало никаких разъяснений. Вероятно, преподаватели сами находились в растерянности, не зная, как и что говорить студентам. Как следует из справки «О роли преподавателей истории КПСС в деле идейно-политического воспитания студентов филологического факультета МГУ»²¹, об их неудовлетворительной работе говорили и студенты: «Даже в период венгерских и польских событий никто из преподавателей истории КПСС ни одной беседы с нами не провел, хуже того, отдельные преподаватели уходили от ответов по венгерским и польским событиям, а также о культе личности»²².

Выступая 10 января 1957 г. на закрытом партсобрании, бывший секретарь комсомольского бюро факультета, член КПСС А. Ф. Ермаков заявил следующее: «Я ожидал большего от письма ЦК (т. е. закрытого письма ЦК КПСС от 19 декабря 1956 г. — О. Г.)... В письме говорится о выступлении Симонова, как неверном,

ревизионистском. Но при обсуждении письма ЦК на предприятиях, многие не поймут суть вопроса, в письме нет анализа этих выступлений, а дается только оценка их. Это недостаток, который не принесет нам пользы»²³.

По мнению А. Ф. Ермакова, в своем закрытом докладе на XX съезде Н. С. Хрущев не дал конкретного анализа причин культа, в отличие от ЦК китайской компартии. А. Ф. Ермаков подчеркнул также, что члены КПСС ничего не знают о пленуме итальянской компартии и выступлении П. Тольятти.

Студенты по-своему трактовали «свободу слова». Четверокурсники просили партбюро разрешить полностью опубликовать в стенной печати материалы польской дискуссии о социализме. По мнению руководства, для выступлений студентов на комсомольских собраниях была характерна попытка «превратить все ясные вопросы в дискуссионные». Студент Ананьев пытался рассуждать на тему, что такое настоящая комсомольская работа, почему комсомол потерял свое политическое лицо. Он «выбросил лозунг: “Просыпайтесь!”»²⁴.

Студент II курса, кандидат в члены партии Мягченков, выступая на партийном собрании, критиковал «принцип партийной жизни, когда спорные вопросы решаются по большинству голосов». Несмотря на то, что Мягченкову были разъяснены его ошибки — «покушается на незыблемость одного из принципов демократического централизма, записанного в Уставе партии, талмудистски истолковывает известный лозунг “пусть расцветают все цветы”»²⁵, — на следующем комсомольском собрании он опять выступил с «ошибочными пространными» рассуждениями на тему о том, как на протяжении последних двадцати лет комсомол терял свое политическое лицо.

Архивы, остающиеся по сей день главным источником информации, иногда умалчивают или сообщают крайне скупо об имевших место проявлениях активности студентов. Наглядным примером тому служит история литературной группы «Sensus», о существовании которой на филологическом факультете можно судить лишь по воспоминаниям В. П. Кузнецова²⁶. История, закончившаяся арестом и осуждением двух ее участников, не получила какой-либо широкой огласки на факультете, как явствует из документов партийного и комсомольского архивов МГУ. Это наводит на мысль, что обсуждение поведения Кузнецова и Терехина на комсомольском и партийном собраниях филологического факультета имело место, так как деятельность В. П. Кузнецова и А. Н. Терехина квалифицировалась на суде как антисоветская, клеветущая на советскую действительность, но затем протоколы были кем-то изъяты. Вышедший недавно сборник воспоминаний однокурсников А. Н. Терехина дополняет историю ареста студентов.

Идея создания группы возникла в конце 1955 или в начале 1956 г. Инициатором, по воспоминаниям В. Кузнецова, был В. Панасюк, студент III курса. Он же придумал название — «Sensus» (лат. чувство) и написал программу, на взгляд В. Кузнецова, противоречивую, мало объективную. Например, в первом пункте было записано: «Всякое чувство имеет право на выражение...». В одном из последних пунктов говорилось о том, что советская литература должна быть тенденциозна в отношении защиты интересов Советского государства, чтобы не допустить каких-то враждебных проявлений, поскольку чувства бывают разные²⁷.

В группу вошли: Б. Раевский, студент IV курса, сам Панасюк, А. Кузнецов, И. Максимова, Н. Горбаневская — студенты III курса, В. Кузнецов, В. Сипачев, М. Роговская — студенты II курса. «Sensus» ставил перед собой задачи только

литературного характера. Участники группы регулярно собирались в помещении редакции стенной газеты филологического факультета «Комсомолия», на балюстрадах 2-го и 3 этажей аудиторного корпуса старого здания МГУ, читали стихи — свои и чужие, обсуждали их. Центром группы был А. Терехин, по словам В. Кузнецова, не пропускавший ни одного заседания факультетского литобъединения: «Стихов писал много»²⁸.

При «среднем интересе» к политике (по словам В. Кузнецова) венгерские события потрясли членов группы. Возмущена была вся компания, но листовку на октябрьских праздниках написали двое — Кузнецов и Терехин. Начиналась она словами: «Друзья!.. Посмотрите вокруг: Польша и Венгрия тонут в крови подавленных революций...»²⁹. Потом шли стихи Терехина. А далее...

«Друг! Штыками твоих соотечественников уничтожены тысячи патриотов в Польше и Венгрии, сотни тысяч честных людей арестованы, замучены и убиты в других странах так называемой “народной демократии” и у нас в СССР»³⁰.

Заканчивалась листовка словами: «Тебе не стыдно, друг?»³¹. На пишущей машинке В. Сипачева и И. Максимовой (к тому времени поженившихся) напечатали одиннадцать экземпляров. Одну листовку приклеили в центре высотного здания МГУ, около лифтов. Остальные экземпляры разбросали по автобусам 7-го (8-го) ноября. Как отмечает сам В. Кузнецов, никакого результата от своей акции не ожидали, это был лишь всплеск, выброс эмоций. В известность о листовке поставили остальных участников группы. На проходившем на филфаке 7–8 декабря 1956 г. диспуте о соцреализме выступил Терехин с требованием «создания настоящего молодежного журнала с молодежной редколлекцией»³².

16 марта 1957 г. был арестован А. Терехин, 19-го — В. Кузнецов. В качестве вещественного доказательства на следствии фигурировали три экземпляра листовки, распространенной в Москве, которые были изъяты органами государственной безопасности. В них излагалась «злая клевета на политику, проводимую коммунистической партией, советским правительством, и содержался призыв к изменению существующего в СССР политического строя»³³. Также было установлено, что В. Кузнецов и А. Терехин вели антисоветские разговоры, распространяли злобные клеветнические измышления о руководителях КПСС и советского правительства. На этом основании судебная коллегия приговорила А. Н. Терехина к пяти годам лишения свободы³⁴, В. П. Кузнецова к трем годам лишения свободы.

В. Сипачева сразу же после случившегося исключили из рядов ВЛКСМ и МГУ и отправили служить в армию. После завершения военной службы на филфак он не вернулся, поступил на химический факультет. И. Максимова на год исключили из университета, затем восстановили.

Обстановка в комсомольской организации геологического факультета

Занимаясь темой общественно-политической жизни студенчества МГУ в 1950–1960 гг. автор статьи столкнулся с явлением, которое не нашло до сих пор своих исследователей — проблема гибели студенчества во время обучения в вузах, и в частности, в МГУ. Безусловно, случаи бывали разными, это: и гибель во

время работы в колхозах, и летальный исход в результате заболевания, и несчастные случаи во время туристических походов, и даже, на первый взгляд, такой нелепый случай, когда студент утонул во время обучения плаванию в университетском бассейне. Понятно, что причины таких случаев были самыми разными, но большую часть из них можно было предотвратить, соблюдая элементарную технику безопасности. В силу профессиональной специфики вопрос жизнедеятельности человека особенно остро стоял на двух естественных факультетах — геологическом и географическом, где летом 1955 г. во время пребывания в летних партиях погибло три человека. Это и послужило импульсом для описываемых далее событий.

2 марта 1956 г. в актовом зале главного здания в связи с публикацией 23 декабря 1955 г. в «Комсомольской правде» статьи «Завтра в трудный путь!», (университетская газета перепечатала этот материал 6 января 1956 г.), проходило открытое комсомольское собрание геологического и географического факультетов. В статье говорилось о целом ряде просчетов при подготовке студентов к летней практике, отмечались недоработки преподавателей и руководителей практик, недостаточная подготовка и несерьезное отношение со стороны студентов. На собрании выступили преподаватели факультетов: профессор географического факультета А. Д. Добровольский, заслуженный мастер спорта Абалаков, профессор Г. К. Тушинский, декан геологического факультета, профессор Е. М. Сергеев. Говорилось о недостаточной физической подготовке студентов, о неумении обращения с лошадьми (а для геолога в экспедиции это очень важно), об отсутствии навыка работы в горной, болотистой местностях, где была необходима взаимостраховка. Обсуждались учебные программы, в которых отсутствовали курсы обучения студентов вождению автомобильного транспорта и пользованию рацией. Отмечалось, что «кафедра физического воспитания и спорта забыла свою первейшую обязанность заниматься физическим воспитанием и развитием людей и занималась в основном спортом и рекордами»³⁵. Студентка IV курса геологического факультета Хисина уточнила, что после летней практики у них на курсе было комсомольское собрание, на котором обсуждались недостатки, разбиралось поведение товарищей, недостойно ведших себя во время практики. «После этого собрания, после этих взволнованных речей, после всего хорошего, что было на нем»³⁶, все шло по-прежнему, был принят ряд решений, о которых потом забыли — «и так ежедневно, и так каждый год»³⁷. По мнению Хисины, недостаток работы заключается именно в том, что «мы говорим, а потом забываем и ничего не делаем»³⁸.

О важности данного собрания свидетельствует присутствие на нем министра геологии и охраны недр СССР П. Я. Антропова и заместителя начальника Главного управления университетов Министерства высшего образования СССР А. П. Шебанова. П. Я. Антропов сказал, что это большое заблуждение, будто на собрании «пошумели и все решилось», «что сразу все будет по-иному, т. е. куда он ни пойдет, всюду асфальтовые дороги, везде киоски с газированной водой и непременно присутствует бонна, — эти люди глубоко ошибаются»³⁹. Однако необдуманная фраза министра: «Если я сегодня ваш гость, то завтра — я ваш хозяин»⁴⁰ — оскорбила студентов. Понятно, что под словом «хозяин» Антропов имел в виду Министерство геологии и охраны недр в целом, а не только себя, но фраза прозвучала некорректно и потому задела студентов. Присутствовавшие на

собрании студенты до сих пор вспоминают это высказывание П. Я. Антропова и ответ какого-то студента с задних рядов: «Государство — наш хозяин, народ — наш хозяин!»⁴¹. По воспоминаниям М. П. Шебуняева, после этого высказывания Антропова раздался «свист пятитысячного зала»⁴². Фраза министра вызвала негодование у аудитории, хотя геологический факультет в отличие от механико-математического и физического факультетов считался менее политизированным факультетом. Не способствовало успокоению собравшихся и обвинение Антропова, высказанное в адрес геологов, в их стремлении к легкой жизни. Таким образом, можно констатировать, что этой фразой министр нарушил необходимую связь с аудиторией, в зале стоял шум, поэтому его дальнейшие высказывания по существу дела уловили не все. Так, М. Раменская вспоминает его фразу: «А если вы не будете уметь плавать, то утонете с самыми лучшими новыми спальными мешками»⁴³.

Трудно предположить, что имел в виду министр под «легкой жизнью» — работу в суровых климатических условиях, постоянные перемещения с рюкзаком, нагруженным образцами найденных пород, отсутствие налаженного быта в экспедиционной жизни? Безусловно, профессии «геолога» присуща и определенная романтика: поиск неизвестных месторождений, товарищество и взаимопомощь в экспедициях. Судя по воспоминаниям бывших выпускников 1950-х гг., они действительно были романтиками: могли на комиссии по распределению попроситься на один рудник, вместо Москвы (откуда были родом или где могли найти работу в лабораториях НИИ) выбрав Сахалин или Чукотку. Но подобное обвинение из уст руководителя отрасли, работниками которой в ближайшем будущем должны были стать выпускники геологического и географического факультета МГУ, для студенческой молодежи показалось оскорбительным.

В. Маликов в статье «Начало большого разговора»⁴⁴, опубликованной в университетской многотиражке, отметил, что проведенное собрание, по сути, не вышло за рамки производственного совещания. На нем не разбирались конкретные недостатки комсомольской работы, недостатки в воспитании будущих специалистов. Свидетельством же существующих недостатков является тот факт, что на факультетах среди студентов стали появляться белоручки и стилиги, а в экспедициях участились случаи пьянства.

Результатом опубликованной статьи и проведенного собрания можно считать приказы ректора об улучшении физической подготовки студентов геологического, географического и биолого-почвенного факультетов. В них говорилось об отсутствии у студентов навыков передвижения в сложных условиях, неумении преодолевать водные преграды, грести и управлять лодкой, выючить и седлать лошадей, управлять мотором. В приказе № 163 по МГУ от 20 марта 1956 г.⁴⁵ отмечалось, что серьезная ответственность лежит на кафедре физического воспитания и спорта, проводившей свою работу без учета специальных требований, предъявляемых к подготовке будущих геологов, географов и биологов. Для устранения недостатков предусматривалось помимо соблюдения общей программы, усилить спецподготовку: экономичное передвижение в разных условиях грунта и рельефа, ходьбу на лыжах с отягощением, обучение плаванию, оказанию помощи тонущему и т. п. Проректору М. С. Унаняну и заместителям деканов по административно-хозяйственной работе вменялось закупить

необходимое оборудование и обеспечить в районах проведения учебных практик простейшие заруды, причалы для лодок и плотов для обучения плаванию, изыскать возможность выделения лошадей из подсобных хозяйств для обучения студентов приемам седлания, правилам верховой езды и проч.

Несколько месяцев спустя руководитель подмосковной геологической практики у первокурсников профессор Д. И. Гордеев в своем докладе с удовлетворением констатировал: «Внимание со стороны комсомольской молодежи к физкультуре и спорту заметно усилилось после коллективного обсуждения статьи “Завтра — в трудный путь”»⁴⁶.

Надо отметить, что еще до собрания с обсуждением статьи вопросы организации производственной практики поднимались в 1954 г. на общефакультетском отчетно-перевыборном комсомольском собрании. Студенту-первокурснику Я. Юдовичу запомнилась жесткая критика старшекурсниками действий начальников отрядов и партий — преподавателей факультета. Особенно удивила студента (по сравнению с обстановкой на подобных школьных собраниях) реакция преподавателей на критику как к «чему-то нормальному и законному»⁴⁷.

Отсюда становится понятным отношение к критике как элементу устранения недостатков в организации практики студентов со стороны руководства геологического и географического факультетов.

Надо сказать, что для геологов (как и для географов) очень важны не только физическая подготовка или экспедиционная экипировка, но и моральные качества. На вопросы взаимоотношений между участниками экспедиций обращала внимание читателей Н. Пижурин (кстати, участница собрания 1956 г.) в газетной статье «С тобой в маршруте» (1960 г.), связывая вопросы безопасности в походе с моральными качествами студентов-геологов.

Следующий эпизод из жизни студентов-геологов в корне отличается от вышеизложенной ситуации — осенью 1956 г. на геологическом факультете произошел случай, ставший предметом неоднократного обсуждения на собраниях: студент III курса А. Калинин выступил на комсомольском отчетно-перевыборном собрании с критикой работы факультетского комитета ВЛКСМ. В своем выступлении он критиковал прием в комсомол в массовом порядке (когда принимают всех, комсомол утрачивает свое значение передового отряда молодежи, а виновата в этом общественная установка); отсутствие перед комсомолом больших задач (как, например, в годы Гражданской и Отечественной войны) и идеалов, настоящих комсомольских вожаков; плохую работу комсомольской прессы. А. Калинин поддержали и другие студенты — Ф. Каминский, А. Гаврилов. По словам декана факультета Е. М. Сергеева, коммунисты, присутствовавшие на собрании, дали отпор выступавшим комсомольцам, распространявшим недостатки вузовской комсомольской организации на весь комсомол. На собрании, состоявшемся через день, присутствовали уже представители парторганизации и деканата, а также привлеченные слухами студенты с других факультетов. Как вспоминает О. Амитров, ведший протокол собрания, «на каждое воинственное выступление декан отвечал длинной и, надо отдать должное, по-своему логичной речью»⁴⁸. По мнению Е. М. Сергеева, резкое сокращение приема в комсомол будет неверным шагом: «ВЛКСМ — это массовая организация, объединяющая широкие слои передовой молодежи... МГУ, вуз, куда принимается лучшая часть молодежи, а товарищи высказываются за сокращение приема»⁴⁹.

В итоге, собрание приняло относительно мирную резолюцию, в которой комсомольцы оценили работу своего бюро как неудовлетворительную, но добавили, что другие работают еще хуже. Среди кандидатов на должность комсорга курса из «бунтарей» был выдвинут А. Гаврилов, в итоге же секретарем курсового бюро стал «идейный» Д. Порывкин. Тогда же Е. М. Сергеев предложил изменить уже принятую резолюцию: в ее новом варианте сохранилась отрицательная оценка работы бюро комсомола III курса, но исчезло добавление, что другие комсомольские организации работают еще хуже.

С сообщением об этом происшествии на собрании по обсуждению письма ЦК КПСС «Об итогах обсуждения решений XX съезда и о ходе выполнения решений съезда» выступил профессор Д. И. Гордеев, подчеркнувший возросшее значение идеологической работы в связи с расширением научных контактов с зарубежными учеными. Д. И. Гордеев приводил в своей речи высказывание французского социалиста Жюля Мока, выступавшего перед студентами и преподавателями МГУ: «Не верьте всему тому, чему Вас здесь учат»⁵⁰.

Выступая в прениях по докладу секретаря партбюро геологического факультета Д. И. Гордеева, преподаватель А. А. Подкопаев заявил о том, что комсомольская работа на факультете поставлена плохо, секретарь бюро ВЛКСМ факультета В. И. Кузьмин только поучает, а не руководит. Это подтверждает такой факт, как организация митинга с критикой работы столовой (имелся в виду бойкот столовой в общежитии на Стромынке в мае 1956 г. — *О. Г.*).

Слабую работу в первую очередь факультетского комитета комсомола также отмечала на одном из партсобраний в 1957 г. член партбюро геологического факультета Т. С. Балякина: «Вопрос об отвратительно проведенном комсомольском собрании я поставила на партбюро, чтобы Кузьмин не прошел мимо этого факта. Кузьмин зазнался и начинает поучать. Необходимо проводить работу среди молодых коммунистов»⁵¹.

Отзвуком рассмотренного комсомольского собрания спустя два года стало еще одно событие. На геологическом факультете, как и на других факультетах университета, работало научное студенческое общество (НСО), курировавшееся факультетским бюро ВЛКСМ. По завершении работы одной из конференций НСО во время вручения дипломов от имени бюро один из награждаемых докладчиков К. Дорофеев отказался получать диплом, сказав, что комсомольская организация никакого отношения к этой конференции не имеет. Как замечает однокурсник Дорофеева, О. Амитров, этот инцидент могли бы «не заметить», но среди награждаемых был иностранец — студент из ГДР, который тут же вернул свой диплом. И отказ К. Дорофеева от диплома сразу приобрел политический контекст, поскольку немецкая молодежная организация «Союз свободной немецкой молодежи» (*Freie Deutsche Jugend*) во многом калькировала форму, структуру и деятельность ВЛКСМ. Этот поступок немца К. Лехерта другой однокурсник Дорофеева, Я. Юдович, охарактеризовал как проявление «международной солидарности». На партсобрании, где обсуждался проступок студента, профессор А. А. Богданов аттестовал К. Дорофеева как субъекта «распущенного и наглого»⁵². Можно предположить, что обвинение студента в подстрекательстве иностранного студента к отказу от комсомольской награды позже сыграло роль при распределении, когда К. Дорофеев не попал на работу в Геологический институт АН СССР.

Студенческая реакция на диспут о социалистическом реализме

Организация студенческих диспутов в 1950–1960-е гг. не была новой формой собраний учащихся. Диспуты стали проводиться с самого начала существования Московского университета. Между студентами в конце каждого месяца проводились диспуты по подготовленным тезисам, а в конце полугодия проводился большой диспут. Как отмечает А. Н. Чанышев, первый подобный диспут между студентами был проведен накануне зимних каникул 17 декабря 1756 г. и посвящен был философским темам. Он, действительно был организован: утвержденные куратором отпечатанные тезисы двух студентов опровергали четыре студента, была предусмотрена система поощрений⁵³.

В 1950–1960-е гг. диспуты являлись одной из форм воспитания молодежи. Порой эти диспуты возникали спонтанно — в студенческой аудитории во время семинаров или в комнате общежития, — и могли касаться совершенно разных вопросов: от обсуждения политической ситуации за рубежом до новинок культурной жизни. Диспуты устраивались не только стихийно, все чаще организацию за их проведение берет на себя партийное и комсомольское руководство университета. Выходили специальные тематические сборники, в которых давались советы по выбору тем и проведению диспутов, приводились примеры. Диспуты сами по себе не являлись характерной чертой только студенческой жизни, они проводились и в рабочих аудиториях, конторах служащих. Тематика диспутов была разнообразной. Так, студенты-физики II курса (2 потока) провели в мае 1961 г. диспут «Идем ли мы вровень с веком?», на котором обсуждали характерные черты советской молодежи и представления о человеке будущего. Широко известен диспут, получивший обсуждение на страницах «Комсомольской правды» по поводу ветки сирени в космосе. Инициатором диспута стало письмо инженера И. А. Полетаева⁵⁴.

Но не всегда ход проведения диспутов осуществлялся по намеченному сценарию, происходили и сбои. Выступления на прошедшем диспуте «Готов ли ты жить при коммунизме?» показали, что некоторые студенты «заражены нигилизмом». Один студент заметил, что среди молодежи есть три течения:

Одна категория догматиков, верящих в строительство коммунизма.

Другая — не верящих в строительство коммунизма.

Колеблющиеся⁵⁵.

В университете одним из ярких примеров проведения диспута, оставившем о себе память не столько устную, сколько зафиксированную следственными органами, является диспут осени 1956 г. Сам по себе он достаточно резко выделяется на общем фоне формальных и неформальных обсуждений, чем заслуживает отдельного рассмотрения на страницах данной работы.

27 октября 1956 г.⁵⁶ в гостиной 14 этажа общежития физического факультета МГУ (в Главном здании) прошел диспут о социалистическом реализме в советской литературе. Возник он, по свидетельству тогдашнего студента V курса кафедры молекулярной физики В. Завертайло, почти стихийно. После вступительного слова аспиранта В. Иванова выступили польские студентки с исторического и филологического факультетов, которые обвинили его в тенденциозном извращении смысла дискуссии в польских газетах. Диспут шел вяло. По словам

В. Завертайло, активного комсомольца, бывшего на I курсе членом факультетского бюро ВЛКСМ, он «выслушал пустопорожние речи и сказал, что не надо все валить на Сталина, это просчет партии»⁵⁷. Это почти спонтанное выступление вызвало резонанс в студенческой среде, Завертайло вызывали в партком факультета. Но поскольку факультеты «забурлили», а происходило все на фоне событий в Польше и Венгрии, было решено организовать в аудитории «А» общеуниверситетский диспут. На нем присутствовали представители не только вузкома, но и Ленинского РК КПСС. В. Я. Завертайло запомнилось сочувствующее молодежи выступление драматурга Н. Погодина⁵⁸: «Действительно, партия менялась..., но мы идем под знаменем Ленина. Оно должно быть незапятнанным, чистым, и мы должны сделать его чистым»⁵⁹. Позднее, на партийном собрании Завертайло приписывались слова о том, «что в советском обществе отсутствует свобода слова и печати, и подлинная демократия не может существовать при однопартийной системе, что народ потерял веру в партию» (сам В. Я. Завертайло этих слов не помнит).

Как отмечается в записке секретарю ЦК ВЛКСМ А. Н. Шелепину, «Все выступления, кроме последнего вывода об отношении народа к партии, были сочувственно выслушаны аудиторией, и даже раздавались аплодисменты»⁶⁰. Выступивший после Завертайло доцент филологического факультета П. Ф. Юшин коснулся только вопросов литературы и «не дал должной отповеди антипартийным разглагольствованиям»⁶¹ Завертайло. Более того, и вопросы литературы Юшин осветил односторонне, преувеличив заслуги в развитии социалистического реализма писателей В. П. Ставского, Колесова и других, «тем самым дав повод студентам II курса физического факультета выступить в газете “Трибуна” с тезисом о том, что лучшие писатели из-за репрессий, процветавших в период культа личности, остались неизвестными молодежи»⁶².

Попытка дать отпор Завертайло со стороны присутствовавшего на диспуте работника Ленинского райкома КПСС Соколова оказалась неудачной и не вызвала поддержки не только аудитории, но и секретаря факультетского партбюро А. А. Семенова. Свои взгляды Завертайло продолжал отстаивать и в партийном бюро, где он, в частности, заявил, что он не один и выражает мнение широких масс, что его Украина (Завертайло был родом из Украины, поэтому имел представление о жизни в ней не понаслышке) разорена и народ страдает. На собрании 2 ноября комсомольской группы № 57, которое собрало факультетское бюро для обсуждения «антипартийных»⁶³ высказываний Завертайло на диспуте, его активно поддержали комсомольцы А. Невский и Ф. Черемисин. Составители записки квалифицируют выступления секретарей комсомольского бюро (факультетского — В. Неудачина и курсового — В. Якименко) беззубыми и непринципиальными, отмечают резкую критику в адрес газет «Московский университет», «Комсомольская правда» (на собрании присутствовала представительница редакции «Комсомольской правды»).

Студенты и аспиранты физфака заступились за Завертайло, его не исключили из ВЛКСМ и МГУ, но затем он испытал трудности при распределении на работу, т. к. данная ему в университете характеристика была подобна «волчьему билету»⁶⁴.

Судя по дате, указанной в сборнике «58-10. Надзорные производства...», выступление аспиранта кафедры электродинамики и квантовой теории физическо-

го факультета А. П. Краснова⁶⁵ произошло не на диспуте о соцреализме. Но, поскольку эти два выступления (Завертайло и Краснова) по времени отстоят друг от друга достаточно близко, это дало нам право предполагать их определенную взаимосвязь. Суть выступления А. П. Краснова заключалась в следующем: 6 ноября он организовал стихийный митинг в общежитии, на котором заявил, что «советское правительство допустило незаконное вмешательство советских войск в Венгрию, что руки советских солдат обгарены кровью мирных жителей»⁶⁶. По поводу событий в Египте Краснов сказал, что «верит в западные державы, которые свернут шею этому авантюристу Насеру»⁶⁷.

События в Венгрии и Египте вновь фигурировали в выступлениях Краснова уже 21 ноября, когда он организовал еще одну беседу о международных событиях. Краснов «приветствовал то, что в западных странах были вывешены траурные флаги по поводу венгерских событий. На вопрос, почему же не вывешивали флаги в связи с кровавой агрессией в Египте, он ответил, что никакой агрессии там не было, а предпринимались лишь “полицейские меры”»⁶⁸.

О А. П. Краснове шла речь в закрытой части партийного собрания физического факультета 13 декабря 1956 г.: «Вопрос о Краснове давно возник, уже давно пора решить его отрицательно»⁶⁹. Коммунисты, жившие в общежитии, неоднократно вели с ним беседы, приводили конкретные факты из газет, журналов, «но он не хотел беседовать», считая приводимые аргументы коммунистической идеологией. «За три года Краснов не прочел ни одного номера “Правды”, питаясь исключительно передачами Би-би-си и заграничной прессой»⁷⁰. Но, когда партбюро предложило ряду аспирантов-коммунистов выступить со статьей в стенной печати с критикой Краснова, против пропаганды чуждых взглядов, то натолкнулось «на упорное нежелание вступить в активную борьбу с конкретным случаем враждебной пропаганды»⁷¹. Как сложилась его дальнейшая судьба, неизвестно.

Резюмируя приведенные факты студенческой активности, отметим, что часть комсомольских собраний и диспутов 1956 г. была вдохновлена XX съездом КПСС. Доклад читали и преподаватели и студенты. «Принимали к сведению», но обсуждений при этом не полагалось. Как записал 25 марта 1956 г. в своем дневнике преподававший на истфаке С. С. Дмитриев: «Никакого сколько-нибудь серьезного истолкования всех приведенных в докладе [Хрущева] фактов не дано. Его, так сказать, внешнеполитический смысл еще можно понять не без труда. Но внутреннее назначение?»⁷².

Пытаясь понять «внутренне назначение» и не найдя ответов на свои вопросы у преподавателей, прежде всего общественных дисциплин, студенты проводили собрания и диспуты, принимавшие иногда радикальный характер, настораживавший руководство. А. Е. Бовин, аспирант философского факультета, о царившей тогда обстановке высказался так: «Университетский барометр фиксировал бурю, каждый вечер самостийные собрания и митинги... Парткомы в растерянности, события выходят из-под контроля»⁷³.

Что характерно, как правило, меры по отношению к наиболее активным участникам собраний принимались зачастую лишь по следам событий, а не превентивно. По поводу преподавания общественных наук долгое время царил неразбериха, так как никаких конкретных указаний «сверху» дано не было, и как вести занятия в столь непростой обстановке в аудитории, постоянно ставящей

вопросы, также было неясно. События международной жизни, остро волновавшие студентов, зачастую со стороны преподавателей не комментировались вообще. Не в последнюю очередь это было связано с нечеткой работой высших партийных органов, запаздывающих с разъяснением и установкой поведения в случае «каверзных» вопросов со стороны пытливого молодежи.

От решения назревших вопросов у молодежи не мог уйти и ЦК ВЛКСМ. В феврале 1957 г. состоялся VII пленум ЦК ВЛКСМ, принявший постановление «Об улучшении идейно-воспитательной работы комсомольских организаций среди комсомольцев и молодежи». В нем говорилось о необходимости развития инициативы и самостоятельности членов ВЛКСМ, ведения работы не только силами платного аппарата, но, прежде всего, комсомольцев, расширении прав комсомольских организаций. В постановлении подчеркивалась важность непосредственного участия вузовских комсомольских организаций в воспитательной работе студентов: «в приеме молодежи в вузы, назначении стипендий, распределении общежитий, улучшении работы столовых и т. п.»⁷⁴.

Подводя итоги, отметим, что приведенные факты студенческой активности свидетельствуют о возросшем самосознании молодежи, ее стремлении к постижению сути событий. Но поскольку государственно-партийные решения нередко носили половинчатый характер, и при том никаких сопроводительных комментариев к ним не спускалось, местные партийные и комсомольские организации оказывались в сложном двойном положении: с одной стороны, нужно было следовать общим установкам, с другой — отвечать на конкретные вопросы студенческой аудитории. Образно говоря, годами работавший механизм «вуз — комсомол — партия» давал сбои. Необходимо было изменить само устройство, обновить, найти применение создаваемой механизмом энергии, а сделать это было непросто. Отсюда становится понятной активная поддержка со стороны ЦК ВЛКСМ и ЦК КПСС движения студенческих строительных отрядов, а также проведения разнообразных конкурсов студенческой самодеятельности.

Примечания

- 1 См.: Герасимова О. Г. Литература «оттепели» и студенчество МГУ // Вопросы гуманитарных наук. 2006. № 6; Она же. Биофак МГУ 1950-х: «дело сестер Ляпуновых» // Аспирант и соискатель. 2006. № 6.
- 2 ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 113. Д. 41. Л. 14.
- 3 Там же.
- 4 Недзвецкий В. Что ярче память сохранила // Время, оставшееся с нами. Филологический факультет в 1953–1958 гг.: Воспоминания выпускников. М., 2004. С. 181.
- 5 58–10. Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953–1991. Аннотированный каталог. М., 1999. С. 498.
- 6 Кочетков И. Жизнь взахлеб // Время, оставшееся с нами... С. 295.
- 7 Правда. 1956. 10 ноября. Первым обратил внимание историков на данное выступление Н. С. Хрущева научный сотрудник НИИПЦ «Мемориал» Г. В. Кузовкин. (См.: Кузовкин Г. В. Партийно-комсомольские преследования по политическим мотивам в период ранней «оттепели» // Корни травы. Сборник статей молодых историков. М., 1996. С. 99).
- 8 Позднее Л. Крысин участвовал в издании «Хроники», в частности, освещал события на Красной площади в 1968 г. (См.: Максимова И. Моя подруга Наташа // Время, оставшееся с нами... С. 121).
- 9 Цит. по: Кузовкин Г. В. Указ. соч. С. 99.
- 10 ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 113. Д. 41. Л. 108.
- 11 Там же. Л. 13.

- 12 В тексте протокола указана фамилия Стрешникова, но, вероятно, имелась в виду Страшенкова.
13 ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 113. Д. 41. Л. 4.
14 Там же. Л. 5.
15 Э. Карпова, студентка IV курса филфака, вспоминает, что это была научная студенческая конференция по социалистическому реализму. В деканате никто не препятствовал, было вывешено объявление о предстоящей конференции, в котором были обозначены основные проблемы дискуссии. (См.: *Карпова Э.* Наставникам — низкий поклон // *Время, оставшееся с нами...* С. 99–100). Существует другая дата проведения диспута — 7 и 11 декабря 1956 г.
16 ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 113. Д. 41. Л. 6.
17 Там же.
18 Там же.
19 Там же. Л. 12.
20 Там же.
21 О неудовлетворительном состоянии идейного воспитания студентов филологического факультета свидетельствует следующий факт (ставший предметом обсуждения ряда партийных и комсомольских собраний): выпускник 1956 г. А. М. Дольберг, находясь с группой туристов в г. Берлине, бежал в западный сектор. (См. подробнее: *Зубарев Д.* Из жизни филологов. 4. Опасный беглец // *Новое литературное обозрение.* 1997. № 24).
22 ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 113. Д. 41. Л. 76.
23 Там же. Ф. 478. Оп. 1. Д. 714. Л. 7.
24 Там же. Л. 3.
25 Там же.
26 *Кузнецов В. П.* История одной компании / Издание автора. М., 1995.
27 Из протокола допроса арестованного Кузнецова Владимира Петровича от 27 марта 1957 г. (См.: «...в результате увлечения упаднической поэзией» (Документы) // *Кузнецов В. П.* Указ. соч. С. 27).
28 *Кузнецов В. П.* Указ. соч. С. 8.
29 «... в результате увлечения упаднической поэзией» (Документы)... С. 20.
30 Там же. С. 21.
31 Там же.
32 *Кузнецов В. П.* Указ. соч. С. 9.
33 Обвинительное заключение по следственному делу № 442 по обвинению Терехина Андрея Николаевича и Кузнецова Владимира Петровича в совершении преступления, предусмотренного ст. 58-10 Ч. 1 УК РСФСР // *Кузнецов В. П.* Указ. соч. С. 30.
34 Срок, больший по сравнению со сроком осуждения В. П. Кузнецова, объясняется не только большим вкладом в изготовление листовки, но и попыткой весной 1956 г. пройти на иностранное судно.
35 ЦАОПИМ. Ф. 6083. Оп. 1. Д. 3. Л. 9.
36 Там же. Л. 60.
37 Там же.
38 Там же.
39 Там же. Л. 65.
40 Там же. Л. 66.
41 *Гущин А.* Светлый путь // Из рукописи выпускников геологического факультета 1953–1958 гг.
42 См.: Воспоминания о друзьях и молодости // *Смирновский сборник-2001.* М., 2001. С. 210.
43 *Маршрут длиною в жизнь. Геологи МГУ (1951–1956) о времени и о себе.* М., 2006. С. 60.
44 *Машков В.* Начало большого разговора // *Московский университет.* 1956. 9 марта.
45 Архив МГУ. Ф. 1. Оп. МГУ. Д. 234. Л. 48–52.
46 ЦАОПИМ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 639. Л. 79–80.
47 Примечания Я. Юдовича к книге О. В. Амитрова «Воспоминания о курсе. Геологический факультет МГУ 1954–1959 гг.». С. 17. (Рукопись из архива О. В. Амитрова).
48 *Амитров О. В.* Воспоминания о курсе. Геологический факультет МГУ 1954–1959 гг. М., 2000. С. 68.
49 Там же.
50 ЦАОПИМ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 639. Л. 102.
51 Там же. Л. 54.
52 Примечания Я. Юдовича к книге О. В. Амитрова «Воспоминания о курсе. Геологический факультет МГУ 1954–1959 гг.». С. 21. (Рукопись из архива О. В. Амитрова).

- 53 Чаньшев А. Н. На заре Московского университета // Московский университет. 2004. Октябрь.
- 54 По свидетельству студентов, учившихся с его дочерью Ингой на биолого-почвенном факультете, диспут был спровоцирован Полетаевым и не являлся чьим-либо планом, но затем был ловко подхвачен всеми, в том числе и комсомолом, и получил широкую огласку и обсуждение.
- 55 ЦАОПИМ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 997. Л. 20.
- 56 В протоколе заседания парткома МГУ от 31 октября 1956 г. значится другая дата проведения диспута – 28 октября (См.: Там же. Д. 633. Л. 8).
- 57 Из интервью с В. Я. Завертайло от 15 февраля 2007 г.
- 58 Н. Погодин работал в это время над пьесой о жизни студентов «Маленькая студентка». Поставлена она была в Театре Эстрады в 1958 г. А на физическом факультете МГУ в это время училась дочь драматурга, Т. Стукалова-Погодина.
- 59 Из интервью с В. Я. Завертайло от 15 февраля 2007 г.
- 60 РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 46. Д. 192. Л. 196.
- 61 Там же.
- 62 Там же. Л. 197. Необходимо отметить, что на филологическом факультете 7–8 декабря 1956 г. прошла своя дискуссия по социалистическому реализму, которую открыл зав. кафедрой советской литературы А. И. Метченко. Формой дискуссии была выбрана конференция IV курса с приглашением студентов других курсов филфака.
- 63 Там же.
- 64 Из интервью с В. Я. Завертайло от 15 февраля 2007 г.
- 65 Был арестован, дальнейшая судьба неизвестна. Вместе с Красновым в отчетном докладе секретаря партбюро физфака А. А. Семенова 14 ноября 1957 г. упоминается также арестованный за антисоветскую агитацию среди студентов и сотрудников университета Д. И. Сотников, работавший радиотехником на физфаке. (ЦАОПИМ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 710. Л. 4). О Д. И. Сотникове см.: 58-10. Надзорные производства... С. 273.
- 66 58-10. Надзорные производства... С. 287–288.
- 67 ЦАОПИМ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 650. Л. 27.
- 68 Там же. Л. 26.
- 69 Там же. Л. 5.
- 70 Доклад партийного бюро физического факультета МГУ «Об идейно-воспитательной работе среди молодежи» на партийном собрании физического факультета МГУ 13 декабря 1956 г. // Там же. Л. 26.
- 71 Там же. Л. 27.
- 72 Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева // Отечественная история. 2000. № 1. С. 166.
- 73 Бовин А. Е. XX век как жизнь. М., 2003. С. 54.
- 74 Документы Центрального Комитета ВЛКСМ по работе среди студенческой молодежи (1918–1967 гг.). М., 1967. С. 154.

А. А. Фокин
Челябинск

«Кормушка» и «Коммуна»: варианты восприятия населением коммунизма (по материалам «всенародного обсуждения» III Программы КПСС)

В октябре 1961 г. прошел XXII съезд КПСС, на котором была принята III Программа КПСС, провозгласившая, что в течение 20 лет в Советском Союзе будет построен коммунизм. В новой Программе партии были поставлены задачи, выполнение которых являлось необходимым для построения коммунизма. Тем самым обозначалось представление о коммунизме в официальной идеологии.